

Феромоны Ши Цинъюя также невольно наполняли комнату. В воздухе переплелись два отчетливых запаха, тесно смешавшихся и неразделимых.

Кадык Цинь Цзина слегка дернулся, когда он сглотнул, а его темные зрачки отливали красным в темноте.

Полностью не осознавая опасность, омега продолжил тереться о шею альфы, перемешивая всё вокруг и бормоча с легким жужжанием:

— Так вкусно пахнет... откуда?

Дыхание Цинь Цзина постепенно ускорялось и тяжелело. Он схватил тонкую талию Ши Цинъюя и перевернул его, поджимая под собой и поддерживая себя двумя руками по обе стороны от омеги.

— Ши Цинъюй, если ты продолжишь, я не могу обещать, что не сделаю что-то с тобой, — хриплым голосом предупредил он.

Но его предостережение проигнорировали: омега остался таким же навязчивым, каким и был.

— Дорогой, мне так жарко... поцелуй меня, можешь поцеловать меня?

— Ши Цинъюй, не пожалей об этом.

Цинь Цзин практически выдавил последнее предложение сквозь сжатые зубы.

Явно, что у омеги началась течка. Сладкий запах персика тяжелел в комнате, просачиваясь в каждый угол.

Глаза Ши Цинъюя покраснели, его взгляд становился всё более затуманенным, словно подернутым дымкой. Он тесно прижался к шее альфы, его голос дрожал:

— Дорогой...

Цинь Цзин больше не мог сдерживаться. Он выпустил свои феромоны, окутывая Ши Цинъюя, успокаивая омегу, пока постепенно опускал голову к задней части его шеи.

Его клыки медленно и намеренно коснулись железы омеги. Маленький бугорок постепенно увеличивался в размере, до краев наполняясь персиковыми феромонами.

В следующую секунду острые зубы альфы прокололи нежную железу омеги, вводя собственный запах ровным, неумолимым потоком.

— Мм... больно...

Он ставил временную метку целых десять минут. Феромоны в воздухе постепенно рассеивались. Цинь Цзин ласково поцеловал теперь опустевшую железу, чтобы успокоить омегу.

— Вот так, теперь всё хорошо. Спи.

После метки омега стал ещё более навязчивым. Ши Цинъюй сонно зарылся в объятия альфы. Сверкающая слеза всё ещё висела на ресницах омеги.

— Дорогой, обними, — едва слышно пробормотал он.

Цинь Цзин выглядел совершенно беспомощным, когда дело касалось омеги. Он крепко сжал талию Ши Цинъюя, опустил голову и нежно поцеловал омегу в губы, мягко уговаривая его:

— Я обнимаю. Спи.

Ши Цинъюй чмокнул губами, довольная улыбка разлилась по его лицу, когда он устроился около груди альфы и погрузился в сон.

Глубоко ночью, однако, кто-то на кровати не мог спать, его сознание гудело. Цинь Цзин неосознанно коснулся уголка губ, словно вспоминая о чем-то.

Кто сказал, что его муж доминантный? Ясно, что он нежный и очаровательный.

Но радость не продлилась и минуты, потому что Цинь Цзин вдруг кое-что вспомнил.

Ши Цинъюй потерял память. Ши Цинъюю раньше... он даже не нравился.

Что ему делать? Он начинал желать, чтобы омега ничего не вспомнил.

Цинь Цзин мучился этой дилеммой, пока позднее ночью наконец-то не уснул.

На следующий день.

Он проснулся, потому что кто-то прижался к нему.

Как только альфа открыл глаза, то увидел лохматую голову, прижатую к груди, прядь волос щекотала его. Ши Цинъюй развалился на нём во всех направлениях.

— Цинъюй?

Омега, всё ещё в глубоком сне, не ответил. Вместо этого он слегка подвинулся, прижимаясь ещё ближе.

Из-за временной метки лёгкий запах персика вместе с тонким намёком на чай улун прилип к Ши Цинъюю. Это был след феромонов Цинь Цзина, мягко окутывающий заднюю часть шеи омеги, словно делая молчаливое заявление.

Чувствуя собственные феромоны на чужом теле, Цинь Цзина слегка покраснел и неловко отвернулся.

Почему он не сдержался?

Цинь Цзин беспомощно вздохнул, нежно отодвигая омегу, а потом пошёл в душ.

Поскольку Ши Цинъюй прямо сейчас не мог работать, а Цинь Цзин не хотел оставлять его дома одного, то он решил работать в кабинете следующие несколько дней.

Альфы не было в кровати, когда Ши Цинъюй проснулся. Даже не надев тапки, он побежал вниз по лестнице, зовя Цинь Цзина.

Услышав голос омеги, Цинь Цзин, готовивший завтрак на кухне, сразу же отложил блендер и подошёл, отвечая:

— Я здесь. Завтрак почти готов. Иди умойся...

Не закончил он говорить, как увидел голые ноги.

— Почему ты пришёл без тапок? — с суровым лицом спросил он.

Круглые и очаровательные пальцы слегка сжались, пока омега неловко стоял, бормоча:

— Я забыл.

Цинь Цзин быстро подошёл, взял Ши Цинъюя на руки и отнёс его назад в спальню.

Он положил омегу на кровать, а потом опустился, помогая надеть тапки.

Видя, что альфа всё ещё расстроен, Ши Цинъюй наклонился и поцеловал Цинь Цзина в щеку, ярко улыбаясь.

— Дорогой, что за вкуснотищу ты готовишь?

— Соевое молоко, тост и яичницу.

— Моё любимое.

— Тебе нравятся все три?

В памяти Цинь Цзина у Ши Цинъюя не было любимой еды, но и нелюбимой не было. В прошлом он просто ел всё, что готовил Цинь Цзин.

<http://bllate.org/book/17856/2010171>